

ПАРАДОКС ИЗОБИЛИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Э. Бисикало, Ю.И. Колесник

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
7 июня 2019 г.

Дата принятия к печати
30 августа 2019 г.

Дата онлайн-размещения
12 сентября 2019 г.

Ключевые слова

Ресурсное проклятие; парадокс изобилия; голландская болезнь; государство-рантье; сырьевая рента; рентоискательство; ресурсодобывающие регионы; Иркутская область

Аннотация

Рассматривается проблема возможного негативного влияния ускоренного роста добычи нефти и газа на социально-экономическое положение ресурсодобывающего региона. Отрицательные эффекты основаны на известных положениях концепций ресурсного проклятия, голландской болезни и государства-рантье, объединяемых термином «парадокс изобилия». Предлагается использование моделей рентоориентированного поведения и патронажа для анализа стимулов экономических агентов. На примере сдвигов в структуре валового регионального продукта и занятости по видам экономической деятельности в Иркутской области выявлены признаки голландской болезни на региональном уровне. Обосновывается значимость учета возникающих пространственных и отраслевых структурных диспропорций при формировании региональной стратегии долгосрочного экономического роста. Возможности преодоления негативных эффектов связываются с необходимостью проведения структурной промышленной политики в рамках умной специализации и создания стимулов к предпринимательству в торгуемом секторе региональной экономики.

PARADOX OF PLENTY IN TERMS OF IRKUTSK OBLAST

Elena E. Bisikalo, Yulia I. Kolesnik

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
June 7, 2019

Accepted
August 30, 2019

Available online
September 12, 2019

Keywords

Resource curse; paradox of plenty; Dutch disease; rentier state; natural resource revenue; rent seeking; resource-producing regions; Irkutsk Oblast

Abstract

The article considers a problem of a possible negative impact of the accelerated growth of oil and gas extraction on the socio-economic situation of the resource-producing region. The negative effects are based on the well-known concepts of the resource curse, the Dutch disease and the rentier state which are combined by the term «paradox of plenty». It offers to use models of rent-oriented behavior and patronage in order to analyze the incentives of economic agents. In terms of the shifts in the structure of gross regional product and employment by types at the regional level. It substantiates the significance of monitoring the arising spatial and sectoral distortions when forming the regional strategy of a long-term economic growth. The possibilities of overcoming negative effects are associated with the need of performing a structural industrial policy within the frames of smart specialization and providing incentives for businesses in the traded sector of the regional economy.

В научной литературе предметом полемики достаточно давно является проблема влияния уровня ресурсной обеспеченности территории, чаще всего целой страны, на траекторию ее экономического роста и социально-экономическое положение ее населения. В [1] отмечается, что существенным фактором является пространственный аспект расположения природных ресурсов. Для этого используются такие характеристики, как концентрированность и дисперс-

ность. При дисперсном размещении ресурса (например, лес или плодородные земли) его освоение требует применения больших объемов трудовых ресурсов, издержки же защиты прав собственности высоки. Для освоения концентрированных ресурсов (месторождения полезных ископаемых, в том числе углеводородов) требуются большие объемы основного капитала, но издержки защиты прав собственности существенно ниже. Пространственные различия в размещении

ресурса порождают различия в режимах собственности, трудоемкости и капиталоемкости производств, основанных на эксплуатации этих ресурсов. Так, концентрированные ресурсы могут нуждаться в государственных капиталовложениях, и преимущества их передачи в частную собственность не имеют приоритетного значения [1, с. 393].

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года среди наиболее существенных изменений в пространственной организации экономики отмечается «сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов». Введено определение минерально-сырьевого центра, под которым понимается «территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, в пределах которой расположена совокупность разрабатываемых и планируемых к освоению месторождений и перспективных площадей, связанных общей существующей и планируемой инфраструктурой и имеющих единый пункт отгрузки добываемого сырья или продуктов его обогащения в федеральную транспортную систему или региональную транспортную систему». К минерально-сырьевым центрам в Иркутской области отнесены муниципальные образования, специализирующиеся на добыче нефти и золота. Отмечается, что минерально-сырьевой центр может быть также перспективным центром экономического роста¹.

Регионы Сибири, и в том числе Иркутская область, исторически специализировались на разработке запасов природных ресурсов. Так, еще в конце 1950-х гг. при обсуждении путей развития производительных сил в Приангарье упоминалось энергетическое строительство и создание на базе дешевого топлива и энергии Ангары комплекса энергоемких и теплоемких производств, наличие ресурсов разнообразных полезных ископаемых и лесных богатств [2]. В настоящее время на территории Иркутской области быстрыми темпами растет добыча нефти, газа и конденсата [3], в связи с чем представляет интерес оценка последствий ресурсной специализации и происходящих на региональном уровне социально-экономических процессов.

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13 февр. 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVALqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.

Первоначально следует прояснить эволюцию представлений о роли ресурсной обеспеченности в экономической теории. Плановая экономика советского периода была сосредоточена на необходимости концентрации значительных государственных капиталовложений, необходимых для разработки запасов природных ресурсов и вовлечения их в оборот. Запасы природных ресурсов считались надежной основой экономического развития.

Позиция неоклассической экономической теории относительно обеспеченности природными ресурсами является нейтральной. Рынок ресурсов рассматривается как часть рынка факторов производства, природная рента — как форма экономической ренты. Ресурсы находятся в частной собственности. При эксплуатации природных ресурсов проблемы заключаются либо в чрезмерной эксплуатации ресурса в ущерб будущим поколениям, либо в недостаточной его эксплуатации. При этом в равной степени возможны и провалы рынка, и провалы государства [4, с. 109].

К провалам рынка относятся несовершенная конкуренция, отрицательные внешние эффекты, неполнота и асимметрия информации, непривлекательность производства общественных благ. Для добывающей промышленности и добычи углеводородов наиболее характерны первые два. К провалам государства можно отнести искажение рыночных стимулов при применении регулирования. Например, политика субсидирования отечественной добывающей отрасли, проводимая в интересах национальной независимости, и установление потолка цен в интересах справедливого распределения могут отрицательно сказаться на стимулах к ресурсосбережению [там же, с. 110].

Возникшая позже концепция устойчивого развития (sustainable development) акцентирует внимание скорее не на аллокативной эффективности, а на справедливости распределения ресурсов внутри одного поколения и по отношению к будущим поколениям, исчерпанию ресурсов и загрязнению окружающей среды. Отметим, что применительно к ресурсообеспеченным регионам, таким как Сибирь, проблема ограничения использования невозобновимых ресурсов из-за угрозы их исчерпаемости практически не рассматривается. Теория устойчивого развития связана в большей степени с возобновимыми ресурсами [4; 5].

В последние годы экономика ресурсодобывающих стран и регионов, прежде

всего тех, которые обладают значительными запасами углеводородов, в академической литературе рассматривается с точки зрения успехов или неудач в преодолении ресурсного проклятия. В таблице приведены наиболее известные концепции.

Названные в таблице термины иногда используются взаимозаменяемо, так как сложно отделить эффекты голландской болезни от воздействия ресурсного проклятия и (или) парадокса изобилия. Как правило, в литературе, посвященной голландской болезни, основное внимание уделяется экономическим проблемам ресурсного богатства, особенно в том, что касается международной конкурентоспособности рассматриваемой экономики. Напротив, рассматривая проблему государств-рантье, ученые сосредотачиваются на политических последствиях слишком сильной зависимости от внешнего источника государственных доходов. Литература по ресурсному проклятию несколько шире. В ней характеризуются экономические (например, экономический рост) и политические (например, коррупция и насилие, неэффективность государственной бюрократии и др.) последствия этого богатства. Парадокс изобилия может быть использован для описания полного спектра проблем (экономических и политических) [11; 13].

Объяснение парадокса изобилия предлагается в рамках институционального подхода. Само по себе получение ренты от продажи природных ресурсов не рассматривается как негативное явление. Основное значение имеют институты распределения ренты («деления пирога», *splitting the pie*), созда-

ющие стимулы для экономических агентов. Сформировалось два подхода к объяснению роли институтов: модель рентиоискательства (*rent-seeking model*) [13] и модель патронажа (*patronage model*) [11].

В теории прав собственности рентиоискательство вносит отрицательный вклад в чистое богатство общества из-за расходования части ресурсов на непроизводительные цели, а именно на изменение структуры прав собственности с целью получения излишка в виде ренты. В рамках модели патронажа исследуется поведение политиков и чиновников, регулирующих использование ресурсов, приводящее к неэффективности государственного сектора. Модель поиска ренты и модель патронажа предполагают, что хорошие институты жизненно необходимы для предотвращения негативного воздействия природных ресурсов. Тем не менее в то время как модель поиска ренты подчеркивает институты, управляющие частным сектором, модель патронажа подчеркивает институты, управляющие государственным сектором.

Российские исследования парадокса изобилия вписываются в рамки упомянутых выше концепций [14–17]. Необходимость учета специфики ресурсодобывающих регионов в связи с проблемами пространственного развития рассматривается в работах Н.В. Зубаревич [18], Н.Н. Михеевой [19]. Роль исторических условий формирования институтов и системы управления недропользованием исследованы В.А. Крюковым [20].

На территории Иркутской области наиболее высокие темпы роста в последние годы демонстрирует добыча нефти, газа и кон-

Основные концепции, описывающие проблемы, возникающие в ресурсодобывающих странах

Концепция	Механизм	Пример
Ресурсное (сырьевое) проклятие (<i>resource curse</i>). Р. Аути (R. Auty), 1993 г. [6–8]; Д. Сакс, Э. Уорнер (J.D. Sachs, A.M. Warner) [9]	Повышение доходов от природных ресурсов снижает совокупный доход	Темпы роста экономик с высокой долей экспорта сырья в ВВП за период с 1970 по 1990 г. оказались ниже среднего общемирового показателя
Парадокс изобилия (<i>paradox of plenty</i>). Т.Л. Карл (T.L. Karl), 1997 г. [10]	Происходит быстрый рост доходов от продажи углеводородного сырья	Негативные последствия нефтяного бума 1970-х гг. для экономик Венесуэлы, Индонезии, Нигерии и Алжира
Голландская болезнь (<i>dutch disease</i>). Термин впервые использован в журнале <i>The Economist</i> в 1977 г. [11, с. 5]	Волатильность валютных курсов вследствие колебания цен на мировом рынке ресурсов и девальвация национальной валюты приводят к деградации обрабатывающей промышленности	Сокращение нидерландского производственного (второго) сектора в начале 60-х гг. XX в. после обнаружения больших запасов природного газа в Северном море
Государство-рантье, государство-арендатор (<i>rentier state</i>). Х. Махдави (H. Mahdavy), 1970 г. [12]	Государство зависит от внешних рентных источников дохода	Изменение структуры и ресурсов экономического роста стран Среднего Востока и Ирана в 1950–1956 гг.

денсата. Так, в 2017 г. добыто 18 193 тыс. т нефти, 6 308 млн м³ газа и 3 325 тыс. т конденсата². По данным таможенной статистики, размер экспорта топливно-энергетических товаров за январь — декабрь 2018 г. составил 2 526 140,1 тыс. дол. США. Для сравнения: экспорт древесины и целлюлозно-бумажных изделий составил 2 857 049,1 тыс. дол. США, металлов и изделий из них — 1 772 161,9 тыс. дол.³ Несмотря на достаточно скромные объемы добычи, в структуре экспорта Иркутской области экспорт углеводородов занимает уже второе место. Кроме того, согласно таможенной статистике, его экспорт с территории Иркутской области в натуральных единицах измерения в 2017 г. составил всего 4 485 тыс. т. Газ и конденсат не отражаются в областной таможенной статистике, так как большинство организаций, добывающих углеводороды, не зарегистрировано на территории области и экспорт проходит через федеральный уровень, что затрудняет выявление полной

величины доходов от экспорта. Таким образом, на примере Иркутской области можно рассмотреть последствия быстрого роста объемов добычи углеводородов для экономики региона.

Фактором, негативно влияющим на экономику региона, является постоянное вытеснение обрабатывающих производств (рис. 1). Так, доля добычи полезных ископаемых в 2017 г. достигла 27,2 % валового регионального продукта. Экспортно-сырьевая специализация сопровождалась деформациями в структуре хозяйства области [21], которые можно охарактеризовать как особую форму голландской болезни.

Применительно к регионам с быстрорастущим нефтегазовым сектором возможно возникновение двух типов эффектов: эффекта движения ресурсов и эффекта расходов. В условиях небольших возможностей перемещения в сторону сырьевого сектора региональных ресурсов бум в добывающем секторе основной удар по экономике региона наносит через эффект расходов. Если часть сверхприбыли сырьевого сектора тратится либо прямо, либо косвенно (через сбор налогов) в регионе, то это ведет к подавлению активности в секторах, выпускающих торгуемые товары (обычно это продукты обрабатывающих отраслей), и к

² Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2017 году. URL: http://irkobl.ru/sites/ecology/%D0%93%D0%94_2017.pdf.

³ Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление. URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=179:2012-12-27-01-28-15&Itemid=254&layout=default.

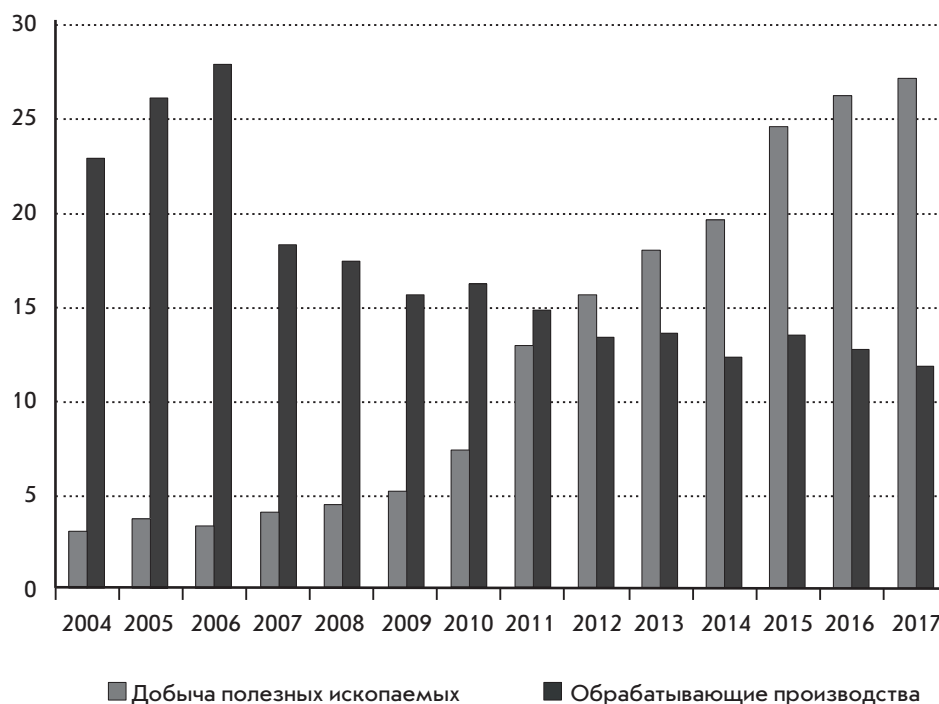

Рис. 1. Доля добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости Иркутской области, %

Составлен по данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>

неоправданному росту доходов и размеров неторгуемого сектора (обслуживающие сектора), в том числе поддерживаемого за счет растущих бюджетных расходов. Если же сверхдоходы изымаются в федеральный бюджет, то наблюдается снижение уровня жизни и социально-экономического положения населения.

Изменение структуры занятости (рис. 2) свидетельствует о слабой способности добывающего сектора продуцировать рабочие места. Так, прирост численности занятых в сфере добычи полезных ископаемых за 2000–2016 гг. оказался меньше, чем в сфере государственного управления. Снижение занятости в обрабатывающем секторе превысило 80 тыс. чел.

Среди отрицательных последствий можно отметить значительное сокращение численности занятых в сфере образования. Помимо демографических факторов, причиной этого является снижение стимулов к получению образования, так как обрабатывающие производства имеют более высокую потребность в высококвалифицированных специалистах, чем торговля и сфера услуг. Иркутская область в 2016 г. занимала 12-е место по добавленной стоимости на душу населения от добычи полезных ископаемых, 69-е место по фактическому потреблению домашних хозяйств на душу населения, 14-е — по уровню безработицы. На протяжении последних лет отмечается отрицательный коэффициент прироста количества юридических лиц в подавляющем большинстве видов экономической деятельности. В 2018 г. значение

данного коэффициента в расчете на тысячу организаций составило $-42,2$, $-49,8$ — в сфере обрабатывающего производства, что свидетельствует о снижении стимулов к осуществлению предпринимательской деятельности⁴. Рост численности занятых в секторе государственного управления и относительно высокий уровень заработной платы в этой области являются косвенным подтверждением эффекта расходов. Статистический анализ неэффективности государственного управления затрудняется существующими правилами учета, согласно которым производство общественных благ приравнивается к величине государственных расходов, и требует дополнительного исследования.

Таким образом, региональная специфика территорий, на которых сконцентрирована добыча и первичная переработка природных ресурсов, предполагает актуальность разработки для них особых механизмов адаптации. Размещение высокодоходной добывающей промышленности недостаточно для жителей и региональных властей. Долгосрочная цель должна состоять в том, чтобы перевести ресурсный потенциал в большую ценность для региона с точки зрения региональной занятости, квалификации работников, инвестиций в производственные активы и возможностей долгосрочного экономического роста. Простое перераспределение сырьевой ренты на региональный уровень может привести к появлению эффекта расходов. Наиболее

⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.

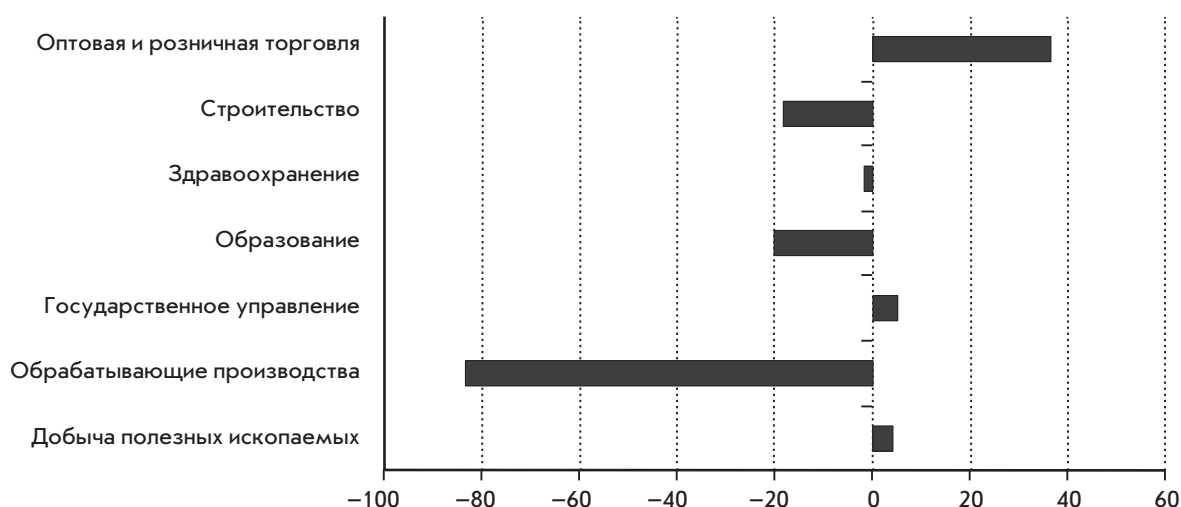

Рис. 2. Изменение среднегодовой численности работников организаций Иркутской области по отдельным видам экономической деятельности в 2000–2016 гг., тыс. чел.

Составлен по данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <http://irkutskstat.gks.ru>

важно избежать создания организаций, государственных или частных, занимающихся сбором и присвоением природной ренты, которые посредством лоббирования препятствуют долгосрочным интересам развития региона. Нужны стимулы для преодоления негативных тенденций. Подобные стимулы и механизмы рассматриваются, например, в [17; 22]. Имеются убедительные примеры стран и регионов, успешно справляющихся с парадоксом изобилия. Это, например, Норвегия и Австралия. Заявленная в Стратегии пространственного развития Российской

Федерации до 2025 года умная специализация (smart specialization) является новым направлением структурной политики [15, с. 66]. Структурная политика умной специализации использует методы и формы поиска секторов-драйверов, производящих торгуемые товары. Умная специализация регионов представляет собой политику развития видов деятельности, которые могут трансформировать существующие экономические структуры за счет локальной концентрации ресурсов с учетом местных условий и компетенций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Права собственности, приватизация и национализация в России / под ред. В.Л. Тамбовцева. — Москва : Новое лит. обозрение, 2009. — 504 с.
2. О развитии производительных сил Иркутской области : сб. материалов / отв. за вып. К.В. Чуйко. — Иркутск : Кн. изд-во, 1959. — 359 с.
3. Новиков А.В. Характеристика месторождений нефти, газа и конденсата в Иркутской области / А.В. Новиков, Е.Ю. Богомолова, И.С. Кородюк. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27.(4).459-467 // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 4. — С. 459–467.
4. Эндерс А. Экономика природных ресурсов / А. Эндерс, И. Квернер. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. — 256 с.
5. Сорокина Е.М. Устойчивое развитие: от понимания к практике / Е.М. Сорокина, Е.В. Веремейчик // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 апр. 2015 г. — Иркутск, 2015. — С. 67–74.
6. Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R. Auty. — Routledge, 2002. — 380 p.
7. Mehlum H. Institutions and the resource curse / H. Mehlum, K. Moene, R. Torvik // The Economic Journal. — 2006. — Vol. 116, № 508. — P. 1–20.
8. Robinson J.A. Political foundations of the resource curse / J.A. Robinson, R. Torvik, T. Verdier // Journal of Development Economics. — 2006. — Vol. 79. — P. 447–468.
9. Sachs J.D. The big push, natural resource booms and growth / J.D. Sachs, A.M. Warner // Journal of Development Economics. — 1999. — Vol. 59. — P. 43–76.
10. Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-states / T.L. Karl. — Berkeley : Univ. of California Press, 1997. — 380 p.
11. Moses J.W. Managing resource abundance and wealth. The Norwegian experience / J.W. Moses, B. Letnes. — Oxford Univ. Press, 2017. — 321 p.
12. Mahdavy H. The Patterns and Problems of Economic Development in a Rentier States: The Case of Iran / H. Mahdavy // Studies in Economic History of the Middle East / ed. M. Cook. — London : Oxford Univ. Press, 1970. — P. 428–427.
13. Frankel J.A. The Natural Resource Curse: A Survey of Diagnoses and Some Prescriptions. Faculty Research Working Paper Series / J.A. Frankel. — URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:8694932>.
14. Даниленко Л.Н. Сырьевая рента в России: благо или проклятие (мысли по поводу мыслей) / Л.Н. Даниленко // Социологические исследования. — 2013. — № 12. — С. 118–129.
15. Миронов В.В. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и в России / В.В. Миронов, Л.Д. Коновалова // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 54–78.
16. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России / под науч. ред. В.В. Ивантера. — Москва : Науч. консультант, 2017. — 196 с.
17. Вихорева М.В. Развитие приоритетных направлений социально-экономической деятельности региона / М.В. Вихорева, Т.К. Кириллова. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(1).166-172 // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 166–172.
18. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации / Н.В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2015. — № 2. — С. 226–230.
19. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? / Н.Н. Михеева // ЭКО. — 2018. — № 5. — С. 158–178.
20. Крюков В.А. Особенности национального управления минерально-сырьевыми и энергетическими ресурсами / В.А. Крюков // ЭКО. — 2016. — № 4. — С. 24–43.
21. Чупров С.В. Динамический портрет индустриального роста Иркутской области (2015–2017 гг.): темпы и качество развития / С.В. Чупров // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов : материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 мая 2018 г. — Иркутск, 2018. — С. 429–436.

22. Чистякова О.В. Формирование инновационной системы в ресурсно-ориентированных регионах России / О.В. Чистякова // Экономика и менеджмент в условиях глобальной конкуренции: проблемы и перспективы : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 25 дек. 2016 г. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 314–324.

REFERENCES

1. Tambovtsev V.L. (ed.). *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Rights of Property, Privatization and Nationalization in Russia]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2009. 504 p.
2. Chuiko K.V. (ed.). *O razvitii proizvoditel'nykh sil Irkutskoi oblasti* [On Development of Productive Forces in Irkutsk Oblast]. Irkutsk, Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1959. 359 p.
3. Novikov A.V., Bogomolova E.Yu., Korodyuk I.S. Characteristics of Oil, Gas and Gas Condensate Fields of Irkutsk Oblast. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 459–467. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27.(4).459-467. (In Russian).
4. Endres A., Querner I. *Die Ökonomie Natürlicher Ressourcen*. 2. Aufl. Stuttgart, Kohlhammer, 2000. 227 S. (Russ. ed.: Endres A., Querner I. *Ekonomika prirodnnykh resursov*. 2nd ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 256 p.).
5. Sorokina E.M., Veremeychik E.V. Sustainable Development: from Understanding to Practice. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya bukhgalterskogo ucheta, ekonomicheskogo analiza i audita. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 17 aprelya 2015 g.* [The Current State and Prospects of Development of Accounting, Economic Analysis and Audit. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, April 17, 2015]. Irkutsk, 2015, pp. 67–74. (In Russian).
6. Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. Routledge, 2002. 380 p.
7. Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse. *The Economic Journal*, 2006, vol. 116, no. 508, pp. 1–20.
8. Robinson J.A., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse. *Journal of Development Economics*, 2006, vol. 79, pp. 447–468.
9. Sachs J.D., Warner A.M. The Big Push, Natural Resource Booms and Growth. *Journal of Development Economics*, 1999, vol. 59, pp. 43–76.
10. Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-states*. Berkeley, University of California Press, 1997. 380 p.
11. Moses J.W., Letnes B. *Managing Resource Abundance and wealth. The Norwegian Experience*. Oxford University Press, 2017. 321 p.
12. Mahdavy H. The Patterns and Problems of Economic Development in a Rentier State: The Case of Iran. In Cook M.A. (ed.). *Studies in Economic History of the Middle East*. London, Oxford University Press, 1970, pp. 428–427.
13. Frankel J.A. *The Natural Resource Curse: A Survey of Diagnoses and Some Prescriptions. Faculty Research Working Paper Series*. Available at: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:8694932>.
14. Danilenko L.N. Resource Rent in Russia: Good or Curse (Thoughts with Regards to Thoughts). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2013, no. 12, pp. 118–129. (In Russian).
15. Mironov V.V., Konovalova I.D. On the Relationship of Structural Changes and Economic Growth in the World Economy and Russia. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2019, no. 1, pp. 54–78. (In Russian).
16. Ivanter V.V. (ed.). *Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii* [Structural and Investment Policy Aimed at Providing Economic Growth in Russia]. Moscow, Nauchnyi Konsultant Publ., 2017. 196 p.
17. Vikhoreva M.V., Kirillova T.K. Priority Directions Development of the Region's Social and Economic Activity. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 166–172. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(1).166-172. (In Russian).
18. Zubarevich N.V. Spatial Strategy after the Crisis: from the Big Projects to Institutional Modernization. *Zhurnal Novej ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2015, no. 2, pp. 226–230. (In Russian).
19. Mikheeva N.N. Strategy of Spatial Development: New Stage or Repetition of Old Mistakes? *EKO = ECO*, 2018, no. 5, pp. 158–178. (In Russian).
20. Kryukov V.A. National Features of the Energy and Resources Management Systems. *EKO = ECO*, 2016, no. 4, pp. 24–43. (In Russian).
21. Chuprov S.V. Dynamic Portrait of Industrial Growth of the Irkutsk Region (2015–2017): Patterns and Quality of Development. *Aktivizatsiya intellektual'nogo i resursnogo potentsiala regionov. Materialy 4-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 17 maya 2018 g.* [Intensification of Intellectual and Resource Potential of Regions. Materials of the 4th All-Russian Research Conference, Irkutsk, May 17, 2018]. Irkutsk, 2018, pp. 429–436. (In Russian).
22. Chistyakova O.V. The Formation of the Innovation System in the Resource Region of Russia. *Ekonomika i menedzhment v usloviyakh global'noi konkurentsii. Materialy nauchnoprakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Saint Petersburg, 25 dekabrya, 2016 g.* [The Formation of the Innovation System in the Resource Region of Russia. Materials of Research Conference with International Participation, Saint Petersburg, December 25, 2016]. Saint Petersburg, 2016, pp. 314–324. (In Russian).

Информация об авторах

Бисикало Елена Эдуардовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики пред-

Authors

Elena E. Bisikalo — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Enterprise Economy and En-

приятий и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: bisikalo@rambler.ru.

Колесник Юлия Игоревна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики предприятий и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: kolesnikui@mail.ru.

Для цитирования

Бисикало Е.Э. Парадокс изобилия на примере Иркутской области / Е.Э. Бисикало, Ю.И. Колесник // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 453–460. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).453-460.

entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: bisikalo@rambler.ru.

Yulia I. Kolesnik — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Enterprise Economy and Entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kolesnikui@mail.ru.

For Citation

Bisikalo E.E., Kolesnik Yu.I. Paradox of Plenty in Terms of Irkutsk Oblast. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 453–460. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).453-460. (In Russian).